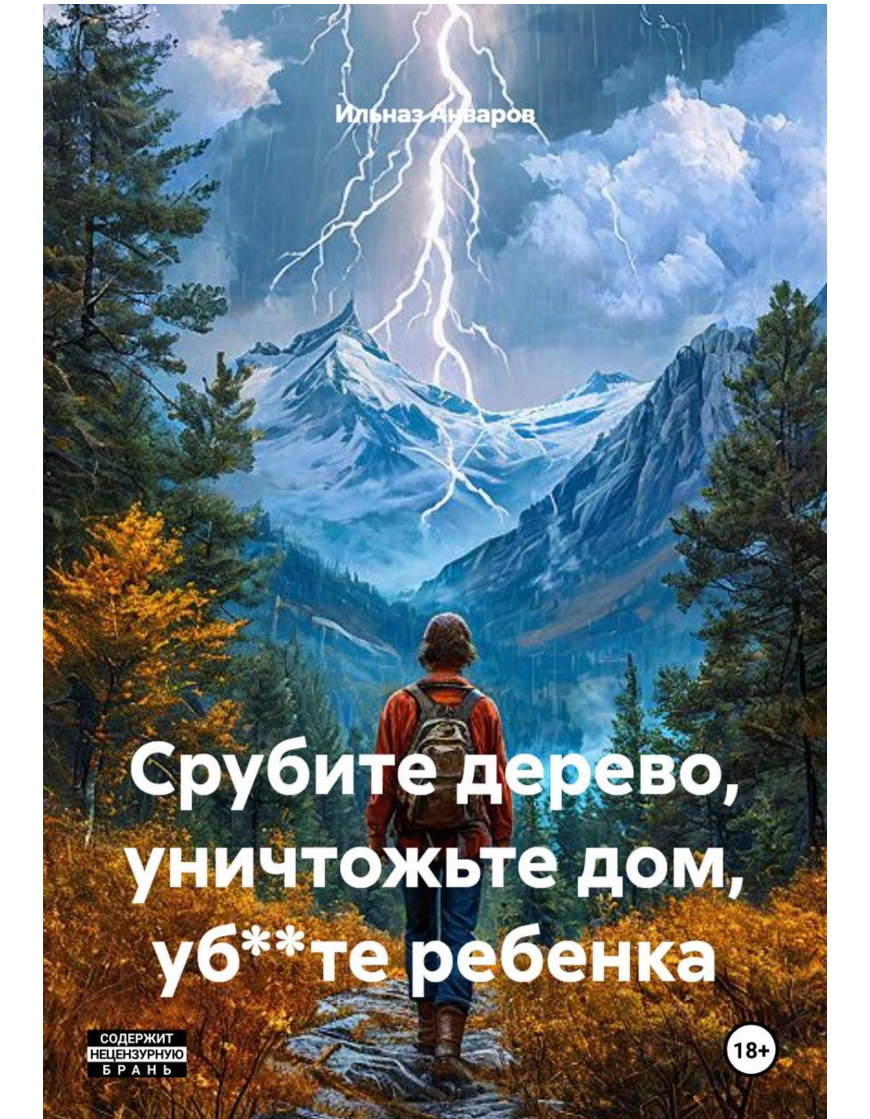

A person with a backpack is seen from behind, standing on a rocky path in a forest with autumn-colored trees. In the background, there are snow-capped mountains under a dark, stormy sky with multiple bright lightning bolts striking down. The overall mood is dramatic and ominous.

Ильназ Анваров

**Срубите дерево,
уничтожьте дом,
уб**те ребенка**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ильназ Анваров
**Срубите дерево, уничтожьте
дом, уб**те ребенка**

<https://litres.ru/74175539>

SelfPub; 2026

Аннотация

Случается ли в жизни вспышка, подобно молнии, способной перевернуть всю жизнь вверх дном и исказить сценарий? Иногда случается, а иногда и нет.

Но с главным героем случилось нечто большее...

Содержание

Глава	4
Вступление	5
1	8
2	15
3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ильназ Анваров
Срубите дерево,
уничтожьте дом,
убте ребенка**

Глава

Вступление

Никогда бы не мог подумать, что буду записывать нечто подобное книге, однако человеческая жизнь - кладезь неожиданных поворотов, которые все былые утверждения могут смять в ничто.

Меня зовут Руслан, я обычный обыватель мирского шара со среднестатистической жизнью в плане уклада жизни, в которой не было слишком ярких эпизодических отступлений.

Я работаю сам на себя, у меня небольшой бизнес, несколько кофейных вендинговых аппаратов по городу, расположенных в главных местах скопления людей. Запрыгнул я в это дело тогда, когда это было не так актуально, поэтому быстро занял самые прибыльные места в городе, договорившись на длительную аренду и по мере заработка размножался в этой довольно легкой сфере, не требующей каких-то сверхусилий. Но история тут не обо мне, а скорее, об одном странном случае, пустившем под откос мою адекватную жизнь.

Я бы и дальше, и больше принялся рассказывать подобного рода бредни о себе, но это абсолютно неинтересно. Они столь малозначительные и посредственные, что и говорить о них скучно и надоедливо.

Вам нужно знать лишь то, что я достаточно в благоприятном финансовом положении и большую часть времени я

свободен, предоставлен самому себе. Занимался я себя довольно интересными вещами, изучением иностранных языков, спортивный зал, бассейн, заочное обучение на юриспруденции, которое временами занимало немало времени. Холост, двадцать семь лет, состою в нескольких группах по путешествиям.

Начну свою историю со знаменательного события в моей жизни, поделившего всю мою жизнь на до и после. В мое день рождения 7 ноября, днем, когда я отдыхал на своей даче в компании своих друзей и близких, в меня ударила молния. Она буквально поразила меня, словно вспышка, когда я стоял во дворе своего дома и любовался приходом первого снега, падающего огромными хлопьями наземь.

Как сейчас перед глазами тот день. Одна секунда, перед глазами вспышка, и я от потери сознания падаю на землю, я прямо таки ощущаю свою жалкое бессилие и бездушное падение на землю. Ничего не вижу буквально, какая-то все это время перед глазами моими была тяжелая мгла. Спустя еще какое-то мгновение просыпаюсь в больнице, вокруг меня возятся люди, затем вновь засыпаю.

Проснулся, как мне сказали потом, я спустя еще часа три или четыре. В итоге повезло, основное количество побочных эффектов встречи с молнией меня обошли стороной, однако остался странной формы ожог на правой руке второй степени, чем-то напоминающий форму звезды и несколько тяж-

ких гематом в области приближенной к правому плечу.

И хоть чисто визуально я очнулся все тем же человеком, напоминающем прежнего себя, внутри себя я чувствовал очень странную перемену...

Тогда мне показалось странным это и я не принимал. Но сейчас мне думается, что я прав был сразу же, как только проснулся, очнувшийся человек - это не тот, коим был я ранее...

Начало моей истории

Обычная больничная палата хирургического отделения. Блеклые стены, выкрашенные в светло-зеленый оттенок, окружают меня такие же больные на больничных койках с белыми простынями и одеялами. Преимущественно мужчины предпенсионного и пенсионного возраста с огромными животами и мордами, лежащие и обсуждающие между собой всякую несущественную муть, то политика, то спорт, то их молодость, то женщины и все в таком ключе...

Когда они заметили, что я очнулся и как-то безучастно гляжу на белый потолок с пятнами сырости, то все в шоке поглядели на меня, один встал и закричал что-то, подзывая медсестру.

- Ты как, все в порядке? - спрашивал один из них, пока остальные с интересом переглядывались между собой, приподнимаясь на своих кроватях и вглядываясь в меня.

- Да, в порядке. - ответил я без энтузиазма.

- Тебя же молния ударила, да? - спрашивал кто-то другой.

- Молния? - удивился искренне я.

Все эти мужчины продолжали на меня глазеть, лишь один из них, самый молодой, поглядывал без особого интереса, читая какую-то книгу в наушниках, мир вокруг него его не волновал.

А я тогда действительно на время позабыл о молнии... да и не только о молнии, я позабыл кто я и свое имя, свое детство, родителей, людей, всех я позабыл, всю свою жизнь на долю каких-то жалких секунд я забыл, ощущая приток странной силы, заполняющей всего меня. Мне не было страшно, я не чувствовал боль или обиду. Я просто был поглощен странно иррациональной силой, вбирающей в себя все чувства и ощущения, словно черная дыра с огромным магнитным полем.

- Да, молния ударила. - вспомнил я спустя сколько-то там секунд затмения в своей голове.

Память слишком противоестественно заливала мой сосуд в голове. Ощущалось это так, как будто это не моя память, а память совершенно другого человека. Вот только тогда мне искренне стало страшно. Представьте, на поднос в столовой вместо привычной еды вам положили камень и воду из лужи. Вот также я ощущал себя тогда, но это сгушалось в худшую сторону и тем, что я не понимал, что есть моя еда? Мне хотелось получить свою память, залить этот сосуд в голове тем, кем являюсь я сам. В придачу эти глаза больных в палате, которые глядели на меня с каким-то инородным интересом...

- О, проснулся! - зашла медсестра, которая обрадовалась отсутствию моего затяжного сна, сбив поток моих ненормальных мыслей. - Как состояние? - подошла она ко мне, начав трогать мои нижние конечности. - Тут чувствуешь? А тут?

- Да, да, чувствую... - говорил я болезненно, ощущая жжение ожогов на своем плече и боль от гематом. - Тут болит и жжет.

- Неудивительно, молния как раз туда ударила, ожоги еще затягиваются, придется подождать, гематомы тоже потихоньку проходят. Главное, чтобы все остальное было в порядке. - она подвинулась к моей голове, достав телефон из кармана и включив на нем фонарик, начав светить в мои глаза, их открывая. - Зрение в порядке? Все видишь?

- Да.

- Уши тоже в порядке, все слышишь? - прекратила она светить фонариком и начала щупать уши.

- Да, все слышу.

- Ну видишь, основные все функции твои сохранены, хирург наш молодец, все вовремя сделал для твоего выздоровления. Он уже только завтра на смене будет, с утра, заново тебя осмотрит, более подробно изучит твое состояние.

- Ладно.

- Тебя вот только перевели из реанимации, показатели все вроде тоже в норме. Ты уже один раз просыпался... - измеряла она мое давление с помощью тонометра.

- Один раз просыпался? - я подумал, что мне послышалось, ведь я этого совершенно не помнил.

- Да, в реанимации, затем опять уснул и тебя перевели сюда, в больничную палату. Нормально этого не помнить, кратковременная амнезия - частое явление. Тем более, после уда-

ра молнией. Считай, что бог тебя поцеловал, все-таки выжить после такого и отделаться ссадинами, да ожогами - это словно второе рождение.

- Наверное... - не понимал я тогда ничего и был сбит с толку отсутствием в памяти недавнего пробуждения.

- Давление почти в норме... - принялась медсестра записывать в тетрадку мои показатели. - Поработай руками и ногами.

- Поработать ? - не понял я.

- Подвигай руками и ногами, постибай. Вставать не пробовал?

Я принялся шевелить руками и ногами, весь функциональный арсенал сохранился в норме.

- А не видел ты случаем чего-либо? - спрашивал один крупный мужчина из нашей палаты меня.

- Да-да, мне тоже интересно. Молния же ударила, наверное, видел что-то. - подхватил другой.

Я задумался на секунду. Очень тяжело было напрягать свои оставшиеся головные извилины, пытаясь заставить работать свой мозг и все-таки хоть что-то вспомнить из того странного времени. Я лишь вспоминал какую-то пропасть, будто в тот миг со мной что-то произошло невероятно интересное и особенное событие, которое так и осталось где-то вдалеке... но нет, как бы не старался и не тужилось мое хрупкое на тот момент сознание, я видел лишь перед собою пелену черноты, сквозь которого немного проскальзывал свет.

- Нет, ничего не помню... - ответил тяжело я, жадно глотнув воздух.

- Все, отстаньте от больного, ему нужен отдых и хороший сон. - наставила медсестра под конец и покинула палату. - Вставать только в случае необходимости, до туалета и обратно.

- Хорошо.

Я остался лежать на кровати, весь перебинтованный, в неясном потоке собственных мыслей. Меня мои соседи по кроватям более не трогали, оставив одного разбираться с ямой в которой увязло мое болезненное сознание. Странное ощущение, будто утопаешь в тяжелых мыслях, которые своей тяжестью смогли бы свалить любого сумоиста за круг его привычного образа мышления.

Пока они беседовали о темах не очень глубоких и интересных, я будто переставал существовать. Меня не покидал этот очень жуткий образ мышления. Мне было не по себе, я словно деталь, которая не вписывалась в этот пазл. И было то глобальнее, чем кажется на первый взгляд. Словно все это тело одно и сплошное единение во плоти со своим призванием, а я случайно вторгнувшаяся в него единица в голове, которой суждено им нехотя править.

Я чувствовал таинственное чувство ностальгии по чему-то несуществующему, или же существующему, но я о нем забыл. На первый взгляд звучит как околесица, однако именно так я себя и ощущал. Что же это было, или кто?.. По ко-

му или чему все мое естество изнывало, желая встречи и соприкосновения с таинственной сущностью, внимающей глубинному негодованию, вызванному гнетущей обстановкой? Будто бы я вернулся из великолепного путешествия, захватившего меня в тиски подлинной экзальтации и тут же я разбился о реальность, падая с вершин всех скал на дно паскудной реальности.

За окном уже ночь, большинство моих коллег по беде спят мертвым сном, созвучно звуча в удивительной симфонии раздражающего храпа. Луна бережно и аккуратно направляла свой свет сквозь оконную стеклянную раму, а я продолжал ловить эти ноты неправильности.

Вскоре, я встал и пошел опустошить свой мочевой пузырь. Уборная была от моей палаты в метрах пятнадцати, плелся я как-то тяжело, перебирать ногами давалось мне нелегко, но все же давалось, как дается каждая вторая, ну или третья на вписке.

Была темень, но каким-то образом я разобрался где тут уборная. Не только в моей палате звучала удивительная симфония храпа коллегии возрастных посетителей больницы. Забавно, что из каждой палаты она звучала по разному. В каждой палате был главный храп, выделяющийся крайне громкой формой, и созвучные ему, словно были они на втором плане. Выглядело все, если признаться, жутко, однако по-своему естественно. Многое в нашей стране выглядит

жутко и настолько одновременно естественно.

Когда я пришел обратно к себе в палату, то я почему-то быстро уснул. Мое тело по инерции упало на приятную кровать и распласталось на нем, ожидая приход занавески, которая соединит мое тело с завтрашним днем.

Больничные будни

На утро меня разбудил врач. То был глава хирургического отделения, который некогда меня приводил в норму своими навыками. Врач был высокий и статный мужчиной лет тридцати с выделяющейся внешностью, прям голливудская модель, густые волосы средней длины, уложенные назад, карие глаза, идеально выбритая легкая борода, бросающийся в глаза остренький подбородок. Тело у него было где-то между средним телосложением и спортивным, но это ему только шло.

Он длительное время осматривал меня, интересовался о состоянии. Ему искренне было интересно для своего опыта опрашивать человека, которого ударила молния. У него такой опыт впервые, он сам в этом признался.

- Ну что ж. - сказал он после своего допроса. - Видимо, вы родились в белой рубашке. Попробуйте сходить купить лотерейный билет после выхода отсюда, может и там несколько миллионов выиграете... - улыбался он. Доктор как-то по-особенному шепелявил, однако ему это шло. Какая-то странность часто идет красивым людям, добавляя им шарма, тогда как уродливым людям только лишний раз портит всю картину, этот мир явно несправедлив.

- Это редкость, что люди выживают после удара молнии?

- спросил я.

- Да нет, выживают то часто. Тут вопрос в побочных явлениях, некоторые жалеют, что выжили. А вы сохранили все свои исходные функции тела - это редкость, насколько я осведомлен.

- Ну я рад, наверное... - как-то отстраненно звучал мой голос.

- Тут все медсестры между собой перешептываются, узнать хотят, может вы ощущаете разницу в своем самочувствии... - как будто бы и ему это было интересно.

- А должен?

- Я, конечно, человек науки, все дела... Третий глаз у вас не откроется, но что-то в самочувствии вполне могло стать иным, это частая практика. Ну мне просто не верится, если быть откровенным, - говорил он, видя мой непонимающий вид, - что молния могла активизировать какую-то область в мозге.

-Нет, я ничего такого не чувствую. - ответил я, задумавшись.

-Поймите правильно. - оправдывался он по неизвестной мне причине. - Я не верю во всякое подобное, просто передо мной первый случай пациента, которого ударила молния.

-Хорошо... - ответил я тягостно, вроде хотел было ему еще что-то сказать и ответить про свое неясное самочувствие. Но оно было настолько неясным, что сказать про него что-либо представлялось задачей невозможной и слишком

относительной. Хотя многие люди говорят о том, о чем в сущности даже малейшего понятия не имеют, но меня таковым вряд ли получится назвать.

Врач принялся опрашивать других присутствующих в моей палате, а я как-то расслабился, мне не хотелось говорить с людьми в тот миг. Я развернулся, и уткнувшись к стенке смотрел в одну точку.

Далее время было завтрака, он был пресный и совсем не вкусный. Но это в принципе неудивительно, сердито и бесплатно, так еще и для такой оравы, на всю больницу ведь готовили, да еще и на кухне подворовывали, вполне вероятно. Потому, учитывая все обстоятельства, вполне сносно.

Еще странно это так выглядело, тебе кричат из коридора громко: “Завтрак!”, затем ты идешь туда, где такие же больные зеваки с видом умирающих людей, встаешь к ним в очередь и ждешь своей, чтобы забрать эту харчевню. Пока они между собой общаются, кто-то даже смеется, ты стоишь и молча ужасаешься проникновенно отвратной атмосферой вокруг. И это даже не смерть как будто виновата в этой обстановке, а их усталые и пугающие лица, в которых виднелась вещь пострашнее смерти, смирение с нищетой то ли, или полнейшая безразличность к обстоятельствам извне? Странно было все это невероятно. Потом в углу за столиком ты находишь себе место, и вы все в дружной компании садитесь кушать овсяную кашу с маленьким кусочком масла, ломти-

ками хлеба, на которые по желанию можно было добавить небольшой кусочек сыра, а также было яблоко для каждого пациента.

И вот я сижу где-то подальше от основной массы пациентов, хлебаю эту кашу на воде с расплавленным дешевым сливочным маслом, заедая ломтиком хлеба и думаю, что же это все такое вообще вокруг меня творится. Но затем всю пургу раздражающих размышлений раздувает своим присутствием один еле ходящий лысый старик, ходил он с помощью палки, еле удерживая равновесие, глаза были вымученные, тело неуклюжее, состарившееся и полноватое, напоминало беременный вопросительный знак, лицо заплывшее в морщинах, на голове озеро, которое окружали в небольшие заросли волос, стремящиеся в разные стороны.

- Тебя же, сынок, молния ударила. - заговорил он со мной.

Я завис и не понял к кому обращалось это его сынок. Тогда я подумал: “Я же не его сын, вряд ли он ко мне обращается...”. Потом после двух-трех секунд одумался и ответил ему:

- Да, меня ударила.

- Помнишь что-нибудь? От удара то молнии...

Все ближайшие соратники по несчастью обратили внимание на нас, ожидая услышать ответа от меня. Меня так пугали их лица, причем пугали не из-за страха, а из-за пустоты, такие стеклянные глаза, максимально избитые и отравленные чем-то, но понять чем я не мог. Я замолк, всерьез пыта-

ясь вспомнить заново что-то из того микромомента, пролетевшего в памяти моей словно единица измерения меньше одной секунды и одновременно больше целого века...

- Нет, не помню ничего, в памяти провал.

- Я слышал, что люди после такого получает сверхспособности. - говорил он своим хриплым голосом, немного раздражающим ушные перепонки. - Вот по линии моей материнской бабушки есть одна женщина, мой слишком дальний родственник. Так ее тоже ударила молния, она проснулась словно другой после удара... постоянно, про проводников бога что-то говорила.

- Что? - перебил испуганно его я. - Проснулась... другой, проводники бога?

- Да, словно другой. - ответил он со странным тоном.

- И как это, словно другой?

- Да не знаю я. - развел он руками в сторону. - Мне так рассказывали, сам то я ее даже в глаза не видел.

- А она где сейчас?

- Гниет она уже давно... - рассмеялся старик.

- Гниет? - до меня не сразу дошло и я смотрел на него серьезным взглядом.

- В могиле, черви ее грызут, скоро с ней встречусь. Могу скоро ей все передать, можешь говорить, если интересуется. - рассмеялся он. - И вас всех могу с собой забрать, вместе посидим там. - обратился он к другим зевакам.

Следом соседи за нашим столом, молча подслушивающие

наш диалог, тоже рассмеялись, лишь я как-то озадаченно смотрел куда-то в стол, сконцентрировавшись на одной точке. Я пытался понять, что же им показалось в этом смешным...

- Рука твоя! - заметил он и резко выхватил мою ладонь максимально бестактно и жестко, став разглядывать что-то на ней. Я тогда удивился, что у старика столько сил еще осталось.

- Что такое? - давал я ему рассматривать свою ладонь, повиливаясь по непонятной мне причине.

- Линии... - словно безумный он сказал. - На твоей правой руке... ладони, нет никаких линий. Точно также я слышал и рассказы от мамы, что у ее родственницы не было линий на левой руке, а у тебя на правой...

Я выхватил свою ладонь столь же бестактно и жестко, мне почему-то стало страшно. Действительно, старик был прав, на моей руке не было линий... Однако в тот момент я думал о том, а были ли они вообще когда-то? Ну по идее, эти линии есть у всех, но это такая малозначительная деталь, что я никогда не думал об этом всерьез.

- Ух! нехороший это знак. - мужчина в преклонном возрасте судорожно попивал чай, будто открешиваясь от меня. - Дьявола это проделки, не просто так...

- Да какого еще дьявола...

- Говорю тебе, - в глаза его вспыхнула вспышка безумия на секунду, которую он быстро погасил, - не просто это так.

Не может быть таких вещей с человеком просто так!

- Ну и к чему это тогда...

- Ждет тебя что-то. И неясно что... люди вокруг тебя, будут умирать, путаться и уходить. Ты линии спутаешь их, или заберешь себе, я не знаю. Но мама моя покойная, все об этом знала, я не думал, что увижу ничего подобного. Думал, старая кобылка под старость лет из ума выжила, а вот оно что, права была, дура старая...

Все следом старик ушел в себя и принялся бормотать бессвязный бред. Его увели в палату, а все остальные постояльцы больничных палат слишком отстраненно смотрели на меня.

Я посмотрел затем на левую свою, на ней тоже не было линий, сплошная гладь, как и на правой. Значения серьезно-го я этому не придал.

На смене была уже другая медсестра, словно модель сошла с глянцевої обложки, идеальные шелковистые волосы, большие глаза, тонкие очертания тела. Она глядела на меня откуда-то издалека. Из своего утомленного мира, то ли она слушала этот диалог дурацкий обрывками и потому я ее заинтересовал, то ли еще чего. Но своими прекрасными глазами и неподдельным видом она испепелила меня. Когда я почувствовал, что не могу более терпеть, кинул на нее свой взгляд, одну секунду мы смотрели друг на друга и было в этом что-то волшебное. Один миг, и ты уже понимаешь нечто невероятно важное для себя. Затем она перестала

смотреть и покраснела, я ухмыльнулся.

Когда все поели, то они отнесли посуду за другой стол, на котором ее собирали. Следом все вместе разошлись по своим палатам. Не хотелось мне говорить с ними, поэтому я развернулся к стене и уткнулся в нее и все думал и думал над чем-то, о чем лучше не думать никогда и никому не при каких обстоятельствах.

Вскоре, я развернулся на спину, желая смотреть и на потолок тоже, оглядев палату, я узнал, что у меня оказывается пять соседей: четыре старика и один юноша, на вид лет двадцать с какой-то отстраненной миной.

Ближе к обеду, когда все спали, молодой человек сидел в своем телефоне и в наушниках что-то смотрел, стараясь абстрагироваться от обстановки вокруг. Когда я на него посмотрел, то вспомнил про свой телефон и про весь потусторонний мир. Я мгновенно открыл свой телефон, который был в сумке под моей кроватью, уж не знаю, откуда я точно знал где он, если все это время им не пользовался. На моем телефоне было сотни пропущенных вызовов от моих родных, которым только сегодня сообщили, что я полноценно очнулся, и столько же сообщений без ответа от моих приятелей, которые были на том самом дне рождения.

Я мгновенно позвонил своей матери в первую очередь, отвечал на все ее расспросы, затем перезвонил отцу, поговорил и с ним. Обоим, если вкратце, я изложил, что со мной

все в порядке и в ближайшие дни я ожидаю выписку. Родители мои были в разводе, но не фактически, то живут вместе, то вновь расстаются на неопределенное время. Сегодня вечером пообещали оба явиться ко мне и встретиться со мною, я был не против. Пожалуй, только с ними я в тот момент был готов встретиться.

Всем своим друзьям и знакомым я отвечал на их сообщения недолго, отказывая в звонке, ссылаясь на мою слабость и высокую вследствие болезни утомляемость, они прекрасно все понимали. Как я заметил, к человеку, с которым случилось что-то прискорбное и выходящее за рамки всяких обычных условностей, относятся намного лучше, с жалостью и с существенной эмпатией. Возможно, проблема всех коллегиальных отношений людей в том, что они не относятся к друг другу эмпатично просто потому что так следует делать в принципе, а не только в тяжелых обстоятельствах.

Я ненадолго вскоре уснул, общаться людьми стало для меня утомительным занятием. Проснулся я от громкого голоса пришедшей в нашу палату той прекрасной медсестры, она пришла с капельницами для всех лежебок из нашей палаты. Меня в придачу еще и перевязывали, обрабатывая мое тело странной жидкостью и нанося на поврежденные участки кожи специальные мази. Было неприятно, впервые я увидел как выглядела моя кожа на плече, словно полуподжаристый кусочек человеческого деликатеса с отвратительным гноящимся соком. Однако она делала это так аккуратно и чув-

ственно, будто все ее нутро было сосредоточено на помощи людям. И от ее прикосновений мне становилось теплее, словно горячий поток проносился по моим венозным сосудами и одаривал меня приятным удовольствием.

- А что за лекарства мне ставят? - спросил я когда медсестра вливала в мое тело жидкость из капельниц через впущенные в вену шприцы.

- Так... - смотрела она на черные буквы, написанные черным маркером на специальных пакетиках, в которых было вливаемое в меня лекарство. - Это обезбол, и для сердечно сосудистой системы...

- Ясно. - задумался я, что это тогда имеет смысл, ведь вряд ли существует лекарство, которое назначают при попадании в вас молнией. - А есть лекарство, которое поможет мне перестать думать о вас?

Она за секунду стала красной и расцвела на моих глазах. Было так странно, столь прекрасная девушка и краснеет от комплиментов.

- Нет, пожалуй, такого нет.

- Я не сильно то и хочу такого лекарства. Знаете, даже хорошо, что его нет.

- Перестаньте. - не продолжала сходить улыбка с ее лица.

Не знаю, что тогда на меня нашло. Но это было точно не просто секундным влечением.

- Я согласился быть больным на всю жизнь только при одном условии. Знаете, каком?

- И каком же? - все-таки спросила она.

- Если бы только всю мою жизнь за мной ухаживали.

- Ну все. Вы слишком много болтаете.

- Мне всегда казалось, что такие девушки всю свою сознательную жизнь получают комплименты, и они их не сбивают с толку. А вы прям не можете нарадоваться, будто заставляете меня снова и снова повторять, как вы прекрасны.

- Ладно, теперь последний узел. - перевязала она меня и собиралась уходить. Но остановилась на пару секунд и смотрела на меня с улыбкой. Что же со мной тогда происходило! Что может сделать с мужчиной улыбка красивой женщины, причина которой это он сам! Но она все-таки ушла по-другим палатам.

Все постояльцы палаты лежали в одной позе на спине, ожидая и смотря на текучесть этой жидкости в наш организм, вгоняющей внутрь нас волшебно-химический сироп, который должен был снять болевые симптомы наших больных тел. Но я ждал, когда же наконец настанет момент снятие шприцов из моих вен, ведь это должна была сделать она.

Наконец все залилось в меня.

- Медсестра! - крикнул я, за дверями показался ее силуэт. - У меня все, снимите, пожалуйста, как снимаете идеал с моей головы и воплощаете его в реальность.

Она снова покраснела. Тут уже дело было в том, что все мужчины это слышали и улыбались.

- Хватит все время говорить эти глупости, вы меня сму-

щаете. - краснела она.

- Но ведь вы это хотите слушать, правда?

Она ничего не ответила.

После капельницы я вновь уснул.

Проснулся я нормально только перед обедом, желая сходить в уборную, так как после утреннего завтрака и приема очередных капельниц и уколов быстро уснул. Тело немного ломило от слабости, но ничего, вполне терпимое состояние, несколько опустошенное и надломленное. Однако опять же, самое главное, было мне терпимо. Но в таком состоянии жить не хочется от слова совсем, и самое забавное в том, что и умирать тоже... Не хочется вообще ничего, ни вставать, ни ложиться, ни ходить в туалет, ни мечтать, ни хотеть, ни любить, буквально ничего... Казалось с постели больного в отделе хирургии мне удалось под призмой линзы увидеть мир таким, каков он есть в самой действительности своей: отвратной помойкой искаженных ценностей, идущей в овраг кремешного мрака, где истинному свету места быть не может. И только она служила каким-то украшением этого серого мира.

Было мне совсем поганно, и я принялся слушать эти насушные диалоги постояльцев нашей палаты. Все они были об одном и том же: болячки, семейная рутина, работа, возгласы о личной персоне, напутствия своеобразные, политика, которая дальше примитивной пропаганды с телевизора не уходила. Это было для меня настолько мертвым и безлич-

ностными, что меня воротило. Но в один момент произошло нечто интересное.

- Вот ты, молодой, - обратились старики к самому молодому из нашей палаты, слушающему все время с улыбкой эти диалоги, - что думаешь о планах запада по захвату наших территорий?

- Да ничего не думаю. - ответил он улыбочиво.

- Думаешь, зря они столько денег в Украину вливают что-ли?

- Да мне без разницы что они там вливают. Обстоятельства внешнего мира меня совсем не волнуют, пусть все люди продолжают возиться в этом дерьме, все больше закапывая себя и своих родных... - раздраженно прозвучал его голос.

- Вот тебе на. - удивился самый живчик из них, который неосознанно коллегией палаты управлял и был самым главным голосом из них. - Самый молодой и самый безынициативный... я в твоё время только так эти новости штурмовал...

- И толку есть от вашего штурма? - съязвил он. - Гораздо важнее найти себя всецело и посвятить путь своей цели, нежели заниматься бессмысленным занятием по анализу внешних событий, на которые мы не способны повлиять.

А все наши истинные позиции и взгляды воссоздавать в иной форме, нежели бездельные и посредственные беседы между собой, которые обстоятельства внешние все равно сметут в урну... Для того, чтобы иметь свою позицию чело-

веку нужно сначала быть самому и понимать что такое человек вообще.

- Это что ты хочешь сказать? - удивлялся таким развернутым ответам этот самый старик.

- Я уже сказал все, что хотел. - надел он наушники и закрылся от коллегии четырех стариков.

- Да мы такие же были. - улыбался другой старик, который был самым добрым среди всех нас. - Молодой он, вот и язвит, возраст для него странная еще штука, не успел опробовать, вот и бунтарь такой.

- Ну да, а чего это я от него ждал-то, в самом деле. - чесал затылок он, спуская на тормоза недавние возгласы о недалекости этих стариков.

Паренек показался мне довольно интересным персонажем. Правда, был он крайне резким, не подходящим аккуратно к собственной правде, но это даже привлекало. Все же, правда, которая исходит от сердца такой жгучей часто имеет свою особенную фактурность, способную затронуть область и в чужих сердцах. Выглядел он тоже интересно, среднего роста, довольно крепкого телосложения, приятная внешность, аккуратные черты лица, у которого выделяются брови и ресницы, немного смазливый. Но отталкивало в нем то, что он на все будто бы взирал высокомерно, сторонился диалогов, это был первый и последний раз, когда он участвовал в диалоге со стариками из нашей палаты.

- А ты что думаешь? Неужели и ты, молния, не следишь

за политикой? - посмеялся тот активный старик, задав этот вопрос и мне. Возможно, кого-либо обидело сказанное им это “молния”, но это прозвучало очень добродушно, по-отцовски словно, поэтому меня это даже улыбнуло.

- Сложно это, но в политики нет черного или белого, если вы хотите от меня услышать одобрения или наоборот. Политика - это все хитросплетенный клубок односортного мусора движущегося хаотично неясно куда... - обратил я внимание тогда, что тот паренек внимательно смотрел на меня. - Вот предположим, наши деды герои, так как они доблестно защитили мир от фашистской угрозы расового доминирования, что априори ссанный бред. А мы достаточно целенаправленно опускаем тот факт, что хотели вместе с Германией вступить в содружестве во вторую мировую войну и тогда вероятно, ну не сами они, конечно, а правительство. И тогда наши доблестные герои были бы сподвижниками первородного ада на Земле... все просто есть потому что есть и не более... Границы добра и зла здесь стерты, каждый действует лишь исходя из карт, которые в его руке, места человечности в политики нет. Все выковывается жестоким жезлом правления, стучащим по головам подданных и выбивающим из них средства для осуществления правления. - занесло меня куда-то далеко мое вдохновение. - И во всю эту дрисню у меня желания лезть нет, я и так разочарован во всем, что происходит.

- Ничего себе, как разложил. - улыбался тот, что был доб-

рее всех остальных, по крайней мере, мне таким он казался.
- Да, все коротко и как есть грубо. - согласился другой, который по большей мере молчал.

А активный дед и главный по совместительству как-то кивал лишь и ничего не возражал моему длительному изложению своих мыслей, ему будто нечего было ответить на столь длительный дискурс.

Паренек же ухмыльнулся и продолжил глядеть в свой смартфон, более не удосуживаясь обращать внимание на обстановку вокруг. Он было немного отстраненным не просто от нас или от этой нелепой палаты больничных хандрящих людишек, а от всего вокруг, от мира людей будто. Даже казалось немного, что он будто откуда то извне прилетел в эту больницу, так сказать, послушать рассказы умирающего в больнице люда и что-то для себя лично понять.

Этой же ночью произошло довольно удивительное событие. Я проснулся посреди ночи, и вокруг меня все спали, но ощущалась такая резкая и чувственная печаль, что меня разрывало изнутри. Голова моя интуитивно поднялась и оглядела пространство вокруг. Была абсолютная темень, каскады темных цветов заполонили пространство вокруг, и посреди этого правления темноты было что-то интересное, у того молодого человека на кровати. Он нацепил на себя одеяло, и под ним читал книгу, вероятно, освещая ее Светом фонарика телефона. Парниша вряд ли заметил, как я проснулся,

и будто бы плакал, по крайней мере, мне так показалось. Я встал, пошел в туалет, хотя мне совсем не хотелось в туалет, его дыхание резко оборвалось и он старался видимо не замечать кого-то извне в сей момент.

Я пришел, света под его одеялом не стало, он просто повернулся на бок и лег спать, уткнувшись в стену, замолкнув. Наверное, ему было стыдно столь эмоциональное проявление своих чувств, и он их прятал слишком глубоко.

А я еще долгое время пролежал, не засыпая, под звуки симфонии храпа дедов, думал об этом странном парне, что на людях держится настолько высокомерно отстраненно, а в жизни глубокой ночью плачет, читая книгу. Как это так, неужели его настолько глубоко пробирают книги? Ну это в целом неудивительно, у каждого человека должно быть что-то такое, что пробирает до мозга костей... только у меня ничего такого нет, думал тогда я.

И мне становилось как-то грустно, камень заостренным концом шаркал об мое хрупкое сердце, заставляя невероятно грустить. Что-то да молния забрала у меня, а точнее то, кем был я недавно... И мне невероятно хотелось понять, что же она забрала конкретное у меня? Вот представьте, что-то для вас дорогое, а может и не особо, забрали, не спросив разрешение. Не важна стоимость, не важен вес и все остальное. Важен факт несправедливости, зверской несправедливости по отношению к вам, когда к вам пришел незнакомец в дом, словно яркая вспышка, забрав у вас что-то из дому... Сам

факт этой неимоверной несправедливости уже меня напрягает, не дает трезво оценивать вещи.

Или же нет, может я всегда был таким? Просто утратил связь в своих воспоминаниях. Ведь даже если мне скажут тысячи людей, что я изменился, это может быть неправдой. Может наедине, где-то внутри своей сущности, я всегда был таковым... а сейчас окончательно обрёл некую полноценность в самоощущении, не изменяемую дуновением ветра?

Что ж, вполне такое могло произойти. Ведь молния все же не физиологический процесс, наружный, внешний, ни внутренний... Неужели она способна выстрелить своим разрядом и в душу? Ну нет же, бред, душа эфемерна, ее задевает не молния, и меняет тоже не молния, а наши разочарования, несбыточные мечты, и все в таком духе...

Я смотрел безучастно в потолок ночной палаты, частично освещаемый светом уличных фонарей. И думал-думал над всякой неразберихой в своей жизни, запутываясь все больше и больше в этом бесконечном чревоугодие саморазрушения. Мне вдруг стало интересно, какую же книгу он читал...

На утро, паренек пораньше ушел на завтрак. Я быстренько встал, когда все из моей палаты ушли, подошел к его койке и увидел на подоконнике за шторами книгу Ремарка «Искра жизни». Стало даже интересно самому ее как-нибудь прочитать, хоть я и не особо любил книги читать. Не то, чтобы я

там какой-то сверхгений и все такое, просто не сложилось с книгами и все, хоть убей.

(Отступление. Типо что-то моего невероятного недоверия к мыслям других людей, каким бы гением не был человек, чего только не умел в своей жизни, проникать с его суматохой в мою голову - это бред. Пускать в мою голову, и без того, наполненную особенными умозаключениями, кого-то другого, в глаза не видевшего меня и мою жизнь, глупо. Не хотелось никогда свободомыслие дикаря заменять на книжные бучи писак и графоманов, плодивших своих идей без конца, но так и ничего не сумевших из них реализовать, как-то вот так. Вот еще забава одна, я ж теперь сам пишу книги, и когда пишу растягиваюсь в улыбке. Недавно сам утверждал о бессмысленности этого рода занятий, а спустя жалкое количество времени сам пишу графоманскую дробь. Ну все же, надеюсь, что-то из этого выйдет.)

На завтрак была манная каша с кусочком сливочного масла, пару ломтиков хлеба и апельсинов средних размеров. Проглотилось это довольно быстро, за пару минут, затем я пошел обратно в свою палату. Ждал каких-то таблеток, которые должен был принять. Забавен тот факт, что меня не волновало наименование этих таблеток. Засунь в мои гланды хоть наркотики под видом лечащих таблеток, я б, наверное, их выпил, задав лишних вопросов.

Затем в моей голове родилась смешная фантазия о том,

что на самом деле, нас здесь всех накачивают таблетками, погружая в естественность данного странного положения в закрытой и воняющей смрадом бедствия больничных будней. А мир за окнами, он другой, нечто большее, чем безнравственные будни и бессмысленные диалоги погибающих во мраке неведения стариков, строящих несчастные козни о важности своего жизненного опыта.

Если вам кажется, что жизнь ваша особенная и что-то в себе несет, вам нужно лечь в больницу и послушать от безысходности рассказы стариков о своих жизнях. Они наполнены всяким, разочарованием, болью, страстями, однако одно остается в конце неизменным: смерть. Словно растапливающий лед жизни металлический шарик, нагретый до невероятно жаркой температуры, он опускается все ниже и ниже, делая изо льда воду, которая скоро станет испарена жизнью, забудется навсегда, став ничем, давно потухшей эфемерной субстанцией.

- Слушайте, а можно мне узнать ваше имя? - спросил ту самую медсестру, подходя к столик для регистрации новых больных.

- Нет, я работаю. Вы мне мешаете. - эта ее улыбка сводила меня с ума.

- Но вы ведь хотите, чтобы я это продолжал дело.

- С чего вы взяли?!

- Вы не умеете врать.

- А вы отстать от человека.

- Ладно, я пошел, обратно, не стану вам мешать. Но как только вам надоест, можете прийти и поболтать со мной. Я в отличии от вас ценю компанию столь красивых людей.

Она улыбнулась и я ушел в свою логово.

Ближе к обеду произошло интересное событие, ко мне пришли родители. Когда ко мне зашла та самая молоденькая медсестра, которая заставляла мое сердце быстрее биться мое сердце, и сказала:

- Вальнов, к вам пришли родители.

Я посмотрел на нее тупым и косым взглядом, во-первых, кто такой Вальнов и почему она внезапно ко мне как-то охладела?

- К вам родители пришли. - будто оправдывалась она.

Я как-то по-новому посмотрел на нее. Выглядела она даже холодной правда прелестно, небольшой рост, темные-темные волосы, чуть смуглая кожа, тонюсенькие ручки, мрачно-голубые глаза, ровный носик, выделяющийся бюст, и идеальной формы ноги. С последним, конечно, все индивидуально для каждого, но для меня это такие ноги, чуть полноватые в меру с цепляющим глазу задом и тонкой талией. Так вот, у нее они были такие, и в тот момент я засмотрела именно на них, а потом резко пришел в себя:

-А, извините. Сейчас буду.

Я резко встал, вспомнил, что недавно родители предупредили о своем визите. Включил телефон, который всегда

стоял в режиме “Не беспокоить”. Увидел кучу пропущенных, и пару из них как раз были от моих родителей, собрался немного с духом и пошел к моим родителям. Это была первая встреча с людьми извне, само собой разумеется, не считая медработников, но они не в счет.

Все мы тут за это малое время стали крысками в лабиринте. Казалось проводят шизофренический эксперимент над телами, запертыми в странное пространство больничных стен.

Конечно, стороннему читателю покажется это гиперболизацией. Но в целом, все происходящее было неимоверно сюрреалистичным отрезком моей жизни: куча больных, бесконечно несущие всякий бред о своей жизни, обшарпанные стены, отсутствие свободы, все строго по одной и той же методичке, лекарства, непонятные капельницы и общепризнанное признание власти врачей, компетенция которых, откровенно говоря, как минимум поддается сомнению. Все это было еще и приправлено специей моей собственной деперсонализации в моменте, как будто я потерял свою самоидентификацию и являюсь чем-то вроде пустого альбомного листа. И вот я стою над этим самым своим листом, в руке карандаш, в стороне краски, однако я не знаю ни что рисовать, ни какими красками стоит воспользоваться. Я ничего не знаю и не имею представлений о том, кто я, что я и чего хочу от этой жизни...

Я прошел до приемной, пространство за пределами больничного хирургического отделения, там несколько скамеек, пусто в людном смысле, а в остальном тоже самое, та же атмосфера застоя всякого рода движения куда-либо. Там на скамеечке сидели мои родители и ждали меня с возбуждением, сомкнувшись в клубочки печали. Стоило мне подойти, так их что-то передернуло, и они сорвались меня обнимать и причитать моему бездушному нежеланию проявлять знаки внимания им.

Мама моя была человеком хорошим, всю жизнь работала на должности бухгалтера в строительной фирме, дослужилась до старшего бухгалтера и получала, наверное, даже хороший оклад, меня это особо не интересовало. Отец же был в молодости торговым представителем в компании из строительной отрасли, так они с мамой и познакомились, дослужился до директора в свое время, потом его подставили и выбросили вниз, но со своим опытом он не потерялся и продолжил служить строительству на другой должности в компании, где работала мама. У них в семье почти всегда была идиллия, за исключением последних десяти лет, когда вскрылось, что отец в тайне изменял матери с какой-то там нашей дальней родственницей. Однако они не развелись и продолжили жить вместе с горем пополам с временными расторжениями отношений. Матери 52 года, отцу 53 года. Она так и не простила его, да и вряд ли можно за такое простить человека, которого ты думал, что когда-то действительно

любил... Вот и живут они так лет десять, друг другу истязая в агонии непринятия и особенной формой ненависти, истоки которой лежат в первоначальном влечении. Правда, многие беды происходят в жизнях людей, что влечение мы путаем с любовью и дорого за это платим.

- Ты как? Легче стало, выписываться когда? Ешь хорошо? Спишь как? Силы вернулись?.. - бесконечно заваливала вопросами меня крепко обнимая мама, разливаясь в этой материнской любви переживаний.

- Да перестань ты, - улыбался отец, которого тронула эта материнская хрупкая сущность, у него умерла не так давно мать, может бессознательно он вспомнил об этом и понял, что такого больше по отношению к себе не услышит. - Он сам мало что понимает пока что.

- Да, но мне хочется услышать его...

Взоры родительской любви так тронули меня, такие первородные переживания... Эти лучи проходили сквозь меня и словно прогревали ледышку, в котором было мое сердце. И было это во всем, в их словах, взглядах, жестах. Как же важно человеку ощущать подобное, чтобы быть человеком и ощущать притяженность к миру чувств. Ведь тут я был заперт, закрыт от чувствительности обильной любви ко мне, а тут два человека пришли и развеяли всю эту смуту... Как же тяжело приходится тому, кто лишен подобного, все же таких, я уверен, найдется во всем мире немало, брошенные дети, не знающие о любви...

- Все нормально. - ответил я им сразу же, улыбаясь. -
Функции все сохранились, пару синяков, да ожог, ничего более...

Мама заплакала.

- Как же я рада, такого там напридумывала.

- Ага, странно же это, какова вероятность удара молнии в человека, взяла и в тебя залетела.

- Да, но вероятность этого не так ничтожна, как то, что я буду на этом свете, так что чему удивляться.

- Тоже верно. - согласился отец, ему была свойственна подобная холодная манера расчетливости в фактах жизни.

Далее мы принялись обсуждать всякую посредственную чепуху по типу вопроса, как же там нас кормят? как относятся врачи? и все такое...

Все эти семейные беседы развеяло интересное событие. На горизонте показался мне персонаж, возможно, интереснее, чем вся моя жизнь для меня. Это был тот паренек, к нему тоже кто-то пришел, то был мужчина, сраженный болезнью детского церебрального паралича. Паренек, любящий читать книги, его тепло поприветствовал, они немного поговорили, ему этот мужчина передал черный пакет. Пара быстро попрощалась и он ушел обратно.

Выглядело все естественно, но что-то меня зацепило в их сцене. Пока я болтал с родителями о малозначительных вещах, связанных с вермяпребыванием тут, я думал над этим парнем. Над тем, как он относился к этому человеку, было

это смесью отвращения и жалостливой скорби. Не знаю даже как это описать... да и вряд ли удастся это сделать кому-то вроде меня.

- Прощай, сынок. - обнимала меня мать в безудержной агонии слез, ощущалось это так, будто она уже успела меня похоронить. - День выписки обязательно сообщи нам, приедем, заберем. За квартирой тоже я пока присматриваю.

- Да, не переживай, поправляйся и возвращайся к нам обратно. - сложил отец руку на плечо.

Когда они уходили я все думал над тем, что значат его слова: «Возвращайся к нам обратно». Это он о чем и к чему? Возвращаться куда? В мир здоровых и процветающих, из мира угнетенных и погибающих во мраке больницы?

Я никогда не курил, но мне так резко в этом сыром помещении захотелось курить... чтобы забыться в этом океане дыма, выходящим из меня и разделяющим меня от всего происходящего вокруг.

Затем, спустя пару тройку часов, когда уже на улице начало темнеть, и все постояльцы палаты спали, произошло из ряда вон выходящее событие. Мне на телефон позвонили... и ничего не говорили на другой стороне трубки. Тогда я впервые за долгое время начал активно сидеть в телефоне, отвечать немного по рабочим вопросам, возвращаясь в мир живых.

- Ало?.. - звучит мой голос эхом в коридоре больницы.

На другой стороне молчание, хоть и трубку сняли.

- Ало?.. - оттенок этого призыва ответить звучит по-другому, обозленно, мне хотелось узнать, кто так тратит беспардонно мое время, которое ничего не стоит, на самом-то деле.

Ни ответа, ни звука, ничего... лишь холодное ощущение с моей стороны бескрайнего пространства, которым владеет тишина.

- Это правда ты? - лишь спустя время донесся женский слезливый голос.

- Что?.. Правда ты?.. - тогда это показалось странным вздором.

Я сбросил трубку раздраженно, и забил на ситуацию, не сумев тогда представить даже близко, чем это обернется позже для меня... Только гораздо позже в голове моей пазл сложился и послужил началом этого беспардонного спектакля.

Неслучайные случайности

Решил было встать спустя пару минут, сходить в туалет, вокруг было темно. Сплошная безлюдная темень, тогда мне показалось это странным, было не совсем поздно для этого.

Когда я вышел из туалета, сделав там свои дела, то мне послышались странные звуки с другого конца хирургического отделения. По мере моего приближения к источнику шума, такого легкого и скрытного я стал понимать, что они были похожи на еле слышные женские стоны. И моя догадка подтвердилась, то была дежурная медсестра, сегодня оставшаяся на ночное дежурство. Через еле видимое пространство прикрытой двери я видел, как она прижимала, вдыхая и выдыхая от наслаждения, вибратор к своей нижней части тела.

Я честно признаться, только тогда вспомнил о женщинах по-настоящему и со страстью, об этой бессознательной животной тяги к противоположному полу, заставляющей ни одного мужчину пасть жертвой храбрых подвигов. Я стоял молча в стороне, наблюдая за тем, как она поглощала воздух в этой комнате, испуская в пространство свои аккуратные стоны, заставляющие мое сердце биться все сильнее. В этой ночной тьме ее утонченная фигура смотрелась так изящно, а то, как она изредка прикусывала губу и жадно брала себя за

грудь, одергивая верхнюю одежду, меня заводило. В конечном итоге привело это к тому, что я начал мастурбировать на то, как она мастурбирует, забывшись о времени, обстоятельствах и обо всем остальном в принципе.

Прошло может еще сверху несколько минут, и случилось невиданное, что-то передернуло во мне, животный инстинкт взял верх надо мною, и бездумно я приоткрыл дверь и вошел внутрь со стоящим членом в руке, желая совокупиться с ней. Как только я зашел, она сразу же перестала свое интимное действие, принялась одеваться, отбросив вибратор в сторону.

- Кто вы, что вы делаете? - спросила она с ошарашенными глазами.

Ни секунды не думая, правда, я не знаю, чем руководствовался тогда, я вцепился в ее губы(верхние губы, если что), пустив одну руку на грудь, а другой аккуратно гладил низ живота, намекая на то, что одеваться не нужно.

- Что вы?.. - жалобно произнесла она, пока мы стояли в странной позе стоя, в которой я был словно охотником, который поймал свою добычу.

- Один раз толкнешь меня сильно, или ударишь, я остановлюсь. Но если хочешь, чтобы я продолжал, то не делай этого... - с этими словами я слишком решительно залез руками в трусы в поисках того самого эльдорадо (клитора), ощутив сразу же резко вышедшую влагу из нее.

- А это вы... - лишь ответила она, прежде, чем я резко

уложил ее на кровать позади ее и она слишком громко для этого места застонала.

Мой половой партнер одумался будто немного от дурости, пришел в себя и вспомнил о месте его пребывания. Странная легкая пелена легкости захватила меня от этого ее, а это вы, как будто бы мы оба понимали, что это должно случиться. Как будто само это действие было уже давным давно прописано в какой-то нелепой книге и исполнялось сейчас в явь.

- Они услышат, нам нельзя, кто-то увидит. - оттолкнула она меня от себя, взяв за плечи.

Я привстал в растерянности, глаза и всякий разум мой оставшийся были затуманены страстью, какой-то безумной агонией, вспыхнувшей невероятным пламенем. Пошел до двери, закрыл ее, и вернулся к тому, на чем мы закончили. Я очень нежными движениями массировал ее место, от чего ее лицо корчились в удовольственных конвульсиях.

- Но...но... - аккуратно сквозь стоны произносила она, внутри нее было бурное сражение стороны желания и трезвого ума, тогда как я был полностью сражен первой стороной.

Я чуть жестко схватил ее за шею и вцепился в нее губами. Затем она своей рукой, наконец-то сраженная, потянулась к моему члену и очень неумело мне мастурбировала, то ли опыта не было практически никакого, то ли ей это было делать попросту неудобно. И таким образом ее стоны для меня превращались в прекрасные мелодии инструмента, которого

не существуют, ведь никакой материальный предмет не сможет передать тот оплот чувств, который вызывают женские стоны. В зависимости от моего взаимодействия с нею, она могла стонать более громко, либо чуть тише, но более чувственно. Мне хотелось продолжения, и мой животный инстинкт не нашел ничего лучше, чем внезапно встать со стоячим членом у ее лица, самым этим действием приглашая ее к оральному сексу. Один раз она на меня испуганно посмотрела и следом принялась к самому действию. Медсестра делала это очень неуверенно, неумело и твердолобо, цеплялась зубами и не могла дальше половины проглотнуть. Однако одно ее действие так возбуждало меня, это то, как она смотрела в мои глаза, отсасывая. Такая редкая форма женской покорности, от которой ты испытываешь чисто мужское чувство эйфории: вот она тут, она на коленях, и она всецело твоя, пускай всего лишь на ничтожное мгновение, всего лишь на короткий миг в сущности, но она твоя и она этому рада, и ничто у тебя это сейчас не способно забрать!

После того, как я сделал дело, не удосужившись ее об этом предупредить, я небрежно поднял ее, повернул лицом к стене, и усадил коленями на кровать перед мною в заднюю позу, чуть опустил и вошел в нее слишком грубо. Она завизжала, но никаких слов от нее я не слышал, лишь необузданные дикие стоны, которые заставляли меня действовать со все большим напором силы. Затем я схватил ее за руки одной своей, уверенно вытянул их назад, лицо ее приложил к

стене, другой взявшись за волосы, продолжая еще усерднее входить. Но полностью это сделать не получалось, она была слишком тугой для этого, также я старался входить не полностью, чтобы не бить в матку.

- Больно волосам... - еле сквозь стоны произнесла она, ничего не отвечая, я перестал держать ее за волосы, и другой своей рукой старался закрыть ей рот, чтобы стоны не были так слышны. Однако по итогу это привело к альтернативному результату, она начала стонать еще громче, тогда чисто инстинктивно я принялся совать ей пальцы в рот.

Не знаю сколько мы с ней занимались этим действием, но по истечению некоторого времени, приблизительно, пары часов и многих поз, некоторого отдыха на необходимые прелюдии, мы лежали на этой кровати оба выжатые. Кровать была одноместной, поэтому получилось так, что лежал сначала я, абсолютно голый, и она боком на кровати, частично на мне, абсолютно голая. Сколько на этой кровати было телесной нашей жидкости, ответить тяжело, но было точно очень много.

Лунный свет освещал наши обнаженные тела, левая моя рука болталась в расстояние от кровати до пола, а правая сжимала часть чуть ниже талии. Мы лежали в дремоте, в некоторого роде забытье, где не нужно слов и наслаждались этим мгновением, которое практически невозможно поймать. Но мы смогли, мы были словно дзен-буддисты, пой-

мавшие умиротворение.

- Ты думаешь, я шлюха, да? - спросила она у меня, ее голос был таким приятным, легким, удовлетворительным, он прекрасно ей подходил.

- Я... - тяжело из меня выходило, мне казалось, что она умеет говорить лишь своими прекрасными стонами. - Не знаю, а ты что думаешь обо мне? Думаешь, что я шлюха?

- Ты?! - удивилась она, подняла голову на моей груди и смотрела в мои глаза, пытаясь уловить сарказм. - Как мужчина может быть шлюхой? Мир устроен не так, он обличает женщину пресловутыми наименованиями, тогда как мужчину в подобной стезе только поощряет.

- Ну, поэтому и бывают шлюхи-мужчины, что более шлюхи, чем сами шлюхи, отдающиеся за деньги.

- Это да, но слышать от мужчины странно это. - она уже набралась какой-то странной силой и уверенно лежала на мне, глядя также в мои глаза, отдавая в них какой-то странный отблеск в своих. - Вы ж не такие, более скупые в плане развития стали.

- Стали? Мы? - удивился я тогда невероятно.

- Ну да, для вас нет понимания женской натуры. Цветы, и почему их стоит дарить, иногда поступиться с нашими желаниями и сделать так...

- Так, стоп. - прервал я ее. - Я немного не понимаю. То есть мы, мужчины, не понимаем женскую натуру, тогда, как вы, женщины, все прекрасно понимаете?

- Ну... - замялась она. - Это даже претензия ни к мужчинам, мы потеряли связь с поэзией всякой...

- Тебе не кажется, что мы с тобой тоже далеки от поэзии, переспали на первой нашей встрече?

Что-то в ней это затронуло, она закоробилась на мгновение, затем резко встала и начала одеваться.

- Я тебя обидел? - не понимал я, продолжая лежать на кровати. - Я не хотел совсем тебя оскорбить.

Она ничего не сказала, подняла с пола мою одежду, шорты, трусы, футболку, и выкинула в меня. Ничего более не говоря, я начал тоже озлобленно одеваться, собираясь уже уходить.

Когда я покидал эту странную комнату, в которой произошло событие слишком странного и необычного характера, она одернула меня за руку у дверного проема, и смотрела на меня глазами полными слез.

Однако я ничего не сделал, никак на это не отреагировал, меня эта ситуация начала раздражать, непонятная женщина просит от меня непонятно чего, после действий, произошедших со мной по непонятной причине. Я покинул эту непонятную комнату с полнейшим отсутствием эмоций, весь выжатый, выбитый, никчемный я поплелся до своей палаты, и улегся спать. На это мгновение, я забыл, что значит быть чувствующим человеком и мне казалось, будто я никогда это на самом деле даже и не знал.

Мне было на все наплевать, пусть все это видели, пусть

меня завтра посадят за якобы изнасилование, пусть от меня отвернутся все люди на Земле. Мне было безразличным не само мое существование, а суть существования всего существующего. Пусть завтра все сгорит в пламени, испепеляя все в безжалостном огне, для меня это пусто и отвратно бессмысленно, как вставать каждый день, не зная и не ощущая всякого рода смысл человеческой жизни. В палате, кстати, на меня совершенно никто не обратил никакого внимания. Значит ли это, что все спали и ничего не слышали, кто знает, но мне было это безразлично...

Нам, людям, суждено рано или поздно разбиться. Вот и тогда, в какой-то момент, на долю секунду в своей жизни я окончательно разбился, потерял связь с этим миром, исчерпал лимит на гравитацию притяжения к миру двуногих скотов, и улетел в несуществующие дали холодного космоса, которой своей объемностью растоптал всякий навет мельчайшего смысла, в котором я видел секундное спасение. И там было так одиноко, так темно и мрачно, что всякий свет в моей голове утопал в этом беспощадном затмении душевных квинтэссенций. Я искренне не верю в то, что в подобных космических далях возможен свет, это лепет лишь тех, кто с подлинной тьмой никогда не сталкивался.

Верю лишь в то, что возможно существует слабенькая искорка в душе, которой некогда самореализоваться в этом черном томлении. Единственное, что мы в состоянии сделать - это сохранить ее в нашей эфемерной темнице тела и ду-

ха, одновременно веря в то, что когда-нибудь наступит наше долгожданное “ там ”.

Спустя несколько минут я пришел в себя. Казалось, что тело мое было подвластно какому-то космическому гипнозу. И лишь спустя сколько-то там времени я пришел в сознание, осознал на секунду произошедшее недавно и пошел обратно в ту медсестринскую комнатку, искать моего ночного партнера. Я понимал, что так неправильно. Она распласталась все на той же кровати, абсолютно голая и залитая слезами во мраке ночи.

Я стоял у дверного проема и смотрел на ее тело, оно было эстетически идеальным, ее чуть больше среднего грудь, тело без складок, длинные волосы, призывающие к действию губы, а какие губы додумывайте сами и телодвижения еле заметные. Всей своей бессознательной натурой она манила меня к себе.

И я вошел в комнату, а затем вошел не только в комнату, а раздевшись вновь вошел в нее. Она на меня отреагировала концом слез и началом прежних стонов. Мы с ней определенно напоминали животных во мраке, которым кроме спаривания в эти минуты ничего более не нужно и нужно только наслаждение в этом томлении и бесконечном соприкосновении наших половых органов совместно с моими пальцами.

Зачем плакать и лишний раз заморачиваться над бессмысленной мыслью, если можно здорово потрахаться, вер-

но же?..

Но это уже было как-то странно, она вроде во время процесса плакала, наслаждалась, кричала, а затем опять по кругу. Входя в нее мне ощущалось очень странно, словно ее влагище передавало по моему члену, как антенна передает сигналы, ее внутреннее травмы и чертоги, которые она сама раскрыть в себе до конца не может и от чего каждую ночь плачет. Хотя все, что происходило в ту ночь в этой комнате было невероятно странно, нужно признаться.

- Как тебя зовут? - спросил я, чтобы сбить молчание после нашего совместного странного соития.

- Роза.

- Цветок значит.

- Розы противные цветы, я их не люблю, и имя свое не люблю... - произнесла она подавленным голосом.

- А что любишь?

- Тебе это интересно?

- Ну да, почему нет.

- Пообещай мне одну вещь... - начала она невероятно серьезно, смотря мне в глаза.

- Ну смотря, что за вещь.

- Давай никогда не видится после этого случая. А если увидимся, то сделаем вид, что ничего не было.

- Ладно.

- Так легко? - спросила она обиженно с претензией.

- Что? - не понял я.

- Так легко согласился? - по прежнему звучала обида в голосе.

- А как я должен был согласиться? Нелегко и трудно?..

- Не соглашаться вообще...

- Ты меня попросила об этом, в чем логика твоей просьбы... - был я в смятении, и в ту же секунду понял все. - Я протестую! Я не согласен, даже если меня посадят за мою попытку увидеть тебя на всю жизнь в тюрьму, где будут драть огромными фалласами каждый день, то я все равно постараюсь увидеться с тобой.

Она рассмеялась, смех ее был неженственный нисколько, скорее наоборот, гогот умирающей чайки, но мне он нравился более, чем понравился бы любой другой женственный смех. Однако романтики там в ту ночь было мало, я сразу понимал, что ничего у нас никогда не получится, даже если мы попытаемся, поэтому тогда еще знал, что не буду пытаться навязаться к ней.

- Я подсяду на это, может уже подседа... - растерянno говорила она.

- На что.

- На это. - как-то слишком решительно она взяла мой член в свои хрупкие ладони.

Тут уже я рассмеялся.

- Но есть одна проблема... - замялась она.

- Проблема? - удивился я.

- У меня есть парень.

- Так... - привстал чуть я. - Парень?! - предела моему ахуеванию не было в ту секунду, какой, сука, парень...
- Да. Но не совсем уже парень, у нас все сложно...
- И зачем ты ему изменила?
- Не знаю. Я была не в себе, и ты так подошел, взял... меня... Да и не изменяла я, на самом деле.

Я тяжело вздохнул.

- Расскажи ему о произошедшем.
- Думаешь?
- Это по-свински, такое делать за спиной.
- Да, надо сказать. А ты что думаешь?
- Что думаю? В плане?
- Когда выпишешься, не хочешь сходить куда-нибудь вместе?

Я понимал к чему она клонит.

- Отношения мне не нужны, тем более, сейчас.
- Ну и ладно, мне тоже.
- Ты с ним прям встречаешься?
- Он хороший, правда, мой первый парень, шесть лет уже вместе. Но я всегда знала, что он не мой будущий муж, не отец моих детей, не тот, кто мне нужен. До последнего ждала, думала, может ощущение изменится это паршивое, вдруг, полюбится. Видимо, нет. Он навязанный папой в частности.
- После случившегося, ничего не получится.
- Да, понимаю. Как считаешь, я шлюха?
- Не мне судить.

- Ну а если б твою девушка так поступила? Считал бы ее шлюхой?

- Не знаю, со мной такого не бывало.

- Тебе никогда не изменяли?

- У меня никогда не было девушки.

- Что? - удивилась она и подняла голову вверх.

- В плане отношений, я не с кем не встречался.

- А, понятно теперь. И как так?

- Ну так, не хотелось страдать бессмысленными страстями и всем таким. Все, кто меня окружал, были достаточно в этом смысле посредственными личностями, только мучали друг друга в попытках пытаться сделать вид, что могут любить. А работает не так это, чтобы любить нужно уметь любить, а люди разучились любить, либо же никогда не умели...

- А как это, уметь любить?

- Полюбить жизнь надо со всеми ее отягощениями, а я на это не способен, поэтому и полюбить человека не смогу никогда. Другими словами, чтобы любить нужно быть выше всего остального, истинно сознавать себя и происходящее вокруг, принимая и обратную сторону. - честно признаться, я ведь был в больнице опустошен и откуда все эти слова исходили, с какого источника внутренних течений мышления, мне было тогда совершенно неясно.

- Ты не способен принять обратную сторону?

- Нет, она слишком противная. Человечество никогда не

будет достойно ни прощения, ни любви, ничего остального. Человечество обречено лишь на вечное скитание во мраке космоса и ничего более, оно проклято самим существованием и никакая любовь и ничто остальное - это не способно исправить.

- А скрасить эту противность? - посмотрела она светящимися во тьме глазами на меня?

- Скрасить? - не понял я.

- Да, временно внушить сознательно себе иллюзию яркой краски вокруг, обманывая себя, но ради чего-то волшебного...

- Что? - впервые я услышал что-то такое одновременно простое, и одновременно осмысленное. - В чем у этого смысл? - я видел в этом смысл, на самом деле.

- Чтобы прожить жизнь, сознавая, что ты всего лишь маленький человек в этой мире, которого пучина мрака сожрет безвозвратно, а значит и погибать в этой пропасти нет никакого смысла. - она улыбнулась по-волшебному.

Я залип в ее глазах, в этих двух еле видных порталах среди ночной мглы, которые телепортировали меня к другим мыслям, к иным умозаключениям другого мозга. Да они были просты, но по неясной причине столь сильное впечатление оставили на моей мыслящей головушке.

- Вот в этом есть уже смысл. Однако толку-то от этого. Прятаться от всего... чтобы что?

- Прожить счастливую жизнь, дурачок. - еле коснулась она

моего носа и улыбалась.-Если ты ничего не изменишь, и человечеству суждено погибнуть, то это же значит, что и тебе тоже суждено погибнуть. Может быть ты проживешь счастливую жизнь, отстраненно от мира человеческого.

- Это попытка убежать от себя, в этом нет мужества.

- А в чем тогда заключается смысл в осознанном забвении и самоубийства в выкопанной тобою себе яме размышлений.

- Вдруг... - замялся я тогда. - Что-то там найду... вдруг, что-то там, в темной яме без света, смогу понять и вывести оттуда самого себя собственными силами. Мне хочется восстать из мертвых путем силы, а не сознательно побега от того, что можно назвать моим предназначением.

- Мужчины такие мужчины. - заулыбалась она. - Вам так свойственно усложнять и без того мудреное.

- Возможно за эту возможность летать в моменте, когда-то первый мужчина и полюбил первую женщину...

- Ага, в этом мужчина и женщина дополняют друг друга.

Время потихоньку уходило в незыблемость в вечной парадигмы цикличности, забирая у людей еще срок зреть этот мир. Поэтому я ушел в свою палату, на прощание поцеловав ее. Подобная чепуха вроде поцелуя на прощание мне никогда не была свойственна. Наверное, я впервые сделал что-то такое романтическое, хотя для меня тогда не существовало понимание того, кем я был до этой больницы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.